

В историю международных отношений 70-е годы войдут как период дальнейшего роста мощи, активности и авторитета Советского Союза и других стран социалистического содружества.

В то же время происходит неуклонное ослабление позиций капитализма на мировой арене. Этот процесс сопровождается углублением всеобщего кризиса самой империалистической системы. «Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах», — подчеркивалось на июньском Пленуме ЦК КПСС (1983 г.). Однако в духе привычного для себя стереотипа за неудачами и просчетами во внутренней и внешней политике лидеры империалистических держав, и прежде всего США, усматривали действия СССР и других социалистических государств на международной арене. Такой «анализ» послужил поводом для возврата к формам и средствам ведения политики, характерным для периода «холодной войны». В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии указывалось: «В международном плане отчетный период был временем сложным и бурным. Оно было отмечено прежде всего интенсивной борьбой двух направлений в мировой политике. С одной стороны, курс на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой стороны, курс на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, политика угроз и вмешательства в чужие дела, подавления освободительной борьбы»¹.

Второе направление на международной арене представлено в первую очередь Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО. Политика этих государств на рубеже 70—80-х годов является предметом пристального внимания со стороны советских международников, которые в своих работах не только дали анализ истоков и причин их курса на ликвидацию разрядки, но и показали пагубность и опасность такого курса для судеб мира и человечества.

Особое значение в рамках борьбы двух линий в мировой политике стала приобретать Япония. К началу 80-х годов эта страна оказалась, пожалуй, единственной крупной капиталистической державой, внешняя политика которой претерпела серьезные изменения. Практически все направления государственной политики японского правительства стал определять резко возросший

антисоветизм, выразившийся, в частности, в усилении кампании вокруг так называемых «северных территорий», в экономических «санкциях» против СССР, в бойкоте Московской олимпиады, в негативной политике в отношении стран Индокитая, Афганистана, в откровенной поддержке стратегии Вашингтона по глобальным и региональным проблемам.

Конечно, все перечисленные действия Японии естественны для страны государственно-монополистического капитализма и диктуются логикой борьбы двух исторических тенденций в мировой политике, борьбы между социализмом и империализмом. Когда говорится о «резком изменении или крутом повороте в политике Токио», отнюдь не имеется в виду степень враждебности в господствующем классе Японии к исторически прогрессивным силам внутри страны или на международной арене. Речь идет об изменении форм, способов и средств борьбы с Советским Союзом. Вплоть до 80-х годов Япония, объективно находясь в лагере империализма, субъективно стремилась избегать (за некоторыми исключениями) открытого втягивания в конфронтацию двух систем на глобальном уровне. В 50-е годы это объяснялось низким уровнем ее экономического развития. В следующем десятилетии все усилия Японии были сосредоточены на увеличении экономического потенциала, а в 70-е годы она была вовлечена в процесс разрядки. На непрекращающуюся борьбу между системами в Токио смотрели главным образом как на борьбу между США и СССР, НАТО и Организацией Варшавского Договора (ОВД). Такая позиция стороннего наблюдателя не случайно снижала ей среди классовых союзников репутацию страны, проводящей «пассивную дипломатию».

Правда, по-иному вела себя Япония в самой системе империализма и в отношении развивающегося мира. Превратившись к началу 70-х годов в один из центров империалистического соперничества, она сумела серьезно потеснить своих конкурентов на мировых рынках и, более того, довольно успешно «освоила» рынки двух других центров капитализма. В определенной степени эти успехи были вызваны тем, что практически все государственные ведомства и неправительственные организации, имеющие отношение к внешнеполитической деятельности, были поставлены на службу экономической экспансии, получившей название «экономической дипломатии». В начале 80-х годов «экономическая дипломатия» стала дополняться так называемой «политизированной дипломатией», под которой подразумевается активность в вопросах вооружения и разоружения, более деятельное участие в международных организациях, развитие контактов с военно-политическими блоками, т. е. вовлечение в те сферы и области, которые являются ключевыми во взаимоотношениях между системами. Смысл такой переоценки внешнеполитической деятельности Японии заключается в намерениях правящих кругов глубже втянуть свою страну в борьбу против сил социализма и национально-освободительного движения.

Не все в Японии разделяют такой подход. В ней действуют и другие силы, сопротивляющиеся опасному втягиванию страны в военно-политическую конфронтацию между системами. Наиболее активными среди них являются оппозиционные партии и в целом прогрессивные слои японского общества. В этом же направлении действуют и те политики из правящей ЛДП, а также представители деловых кругов, которые более реально расценивают положение на международной арене, понимают необходимость и обоюдную выгоду длительного мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Борьба между сторонниками здравого смысла и поборниками конфронтации с социалистическими странами всегда пронизывала политическую жизнь любого капиталистического государства, в том числе и японского. Но, как подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, в нынешних условиях, когда «произошло небывалое обострение борьбы двух мировых общественных систем», от результатов внутривнутриполитического столкновения по вопросам внешней политики в той или иной капиталистической стране, особенно в крупных государствах, зависят общие судьбы мира. Поэтому исследование внешней политики Японии, ее места и роли в мировой политике является столь же актуальной задачей, как и изучение двух других центров империализма.

Обращение к данной теме диктуется также и другими соображениями. В японоведческой литературе, изданной в Советском Союзе, имеется множество фундаментальных работ, в которых анализируются различные стороны японской действительности. Особенно много исследований приходится на экономику, внутреннюю политику, культуру, историю Японии. Немало монографий посвящено внешней политике этой страны, включая и ее военные аспекты². Эта тема освещалась также в работах, посвященных анализу положения в азиатско-тихоокеанском регионе³.

Совершенно естественно, что освоение столь обширной советской японоведческой литературы является необходимым условием для дальнейшего углубления исследований как по Японии вообще, так и по внешней политике этой страны в частности. Вместе с тем оно даст возможность выяснить, какие стороны внешней политики Японии получили еще недостаточное освещение, а по каким вопросам сделанные ранее выводы требуют пересмысления. Обнаруживаются и противоречивые оценки по одним и тем же вопросам. Приведем два примера.

Первый пример касается вопроса о характере японо-американских отношений. В соответствующем разделе коллективной монографии «Япония» (М., 1981) один из авторов, Д. В. Петров, указывает, что Япония, несмотря на объективные возможности, не смогла добиться проведения самостоятельной и независимой политики. Более того, она еще глубже втянулась в американскую военно-стратегическую систему, ограничивающую свободу ее политического маневрирования⁴. Другой автор, А. П. Марков, в своей работе придерживается противоположной

точки зрения. Он считает, что «не выдерживает критики» утверждение о зависимости Японии от США. Более того, «по очень важным вопросам, например о вооружении страны, об участии в военных блоках и других,— пишет А. П. Марков,— она проводила... в общем самостоятельную политику». Правда, это не мешает тому же автору через страничку утверждать, что отношения с США способствовали «частичной утрате суверенитета Японии, подрыву ее национального достоинства и престижа»⁵.

Второй пример относится к вопросу о милитаризации Японии. В упоминавшейся монографии А. П. Марков пишет, что «в сложившихся условиях главным в политике Японии по-прежнему остается (и, по-видимому, останется в обозримом будущем) решение разнообразных внешнеполитических проблем, в том числе связанных с обеспечением успешного экономического прогресса страны, несомными средствами, не прибегая к оружию» (с. 233). Однако в специальных исследованиях, посвященных японской военной политике, делаются другие выводы. Эта идея определенно высказана в работе М. И. Иванова: «Возрождение японского милитаризма стало реальностью наших дней»⁶.

На наш взгляд, подобные противоречивые суждения обусловлены властью подхода: частная тема, даже очень важная (как, например, характер американо-японских отношений или вопрос о милитаризации), оторвана от всего объекта исследования, в данном случае внешней политики. Этого можно избежать, когда объект анализируется во всей его целостности, совокупности и в сравнении с другими аналогичными объектами. Только учет всех факторов, воздействующих на внешнюю политику Японии (экономических, внутри- и внешнеполитических и т. д.), позволит избежать крайностей в частностях и делать научные выводы об общем.

В представленной на суд читателей монографии предпринята именно такая попытка. Она ставит своей целью всестороннее исследование внешней политики Японии, которая рассматривается как процесс, обладающий дискретностью и непрерывностью. Разворачиваясь в «политическом пространстве и времени», внешняя политика обнаруживает себя в двух фазах: в стадии формирования и в реализации «вовне». Выделение фаз отвечает требованию дискретности, а их взаимосвязь и взаимообусловленность — непрерывности. Вместе с тем каждая из фаз обладает своей, только ей присущей спецификой как вследствие особых факторов, лежащих в основе разделения внешнеполитического процесса, так и в силу различного характера его функционирования.

Такой подход продиктован свойствами самого объекта исследования, а кроме того, он отвечает логике целостного описания процесса, к чему уже давно призывают теоретики-международники эмпириков-страноведов.

Существуют еще дополнительные причины, побуждающие автора следовать вышеприведенной концепции. Опыт показал, что

анализ внешней политики Японии в ее второй фазе, т. е. деятельности страны на международной арене, оказывается недостаточным для понимания такого свойственного ей повседневного феномена: с одной стороны, напористость, экспансия, с другой — «дипломатия приспособления» и чуть ли не безоговорочная поддержка стратегии Вашингтона. Часть ученых в связи с этим считает, что существует разрыв, брешь, несоответствие между экономическим потенциалом страны и ее политической ролью в мире. Другие, наоборот, полагают, что эти явления взаимообусловлены и потому естественны. В попытках объяснить эти противоречия западные международники обратились к зарождению внешней политики, к ее первоначальным звеньям — формированию и принятию решений. В зависимости от объекта исследования ученые уже как бы «изнутри» разделились на две группы. Одна из них сконцентрировала внимание на изучении структуры и механизма власти, на их функциональных связях с внешнеполитическим аппаратом государства. Эта область исследуется политологами.

Поисками ответов на вопрос, «почему так, а не иначе» формируется и делается политика, занимается культурологическое направление, анализирующее психологию, характер, мышление, традиции японцев, т. е. все, что связано с этно-, гео-, социокультурными факторами. Этим проблемам на Западе и в самой Японии уделяется повышенное внимание, у нас же — явно недостаточное⁷, хотя применительно к США и странам Западной Европы существует немало книг на эту тему.

Вместе с тем Япония — одна из немногих развитых капиталистических стран, которую было бы затруднительно понять, не принимая во внимание роль исторических традиций, своеобразие типа мышления японцев. Все эти факторы, безусловно, оказывают свое воздействие на поведение страны на мировой арене. Но они проявляются на еще более ранней стадии — в процессе формирования идейно-теоретических основ внешней политики Японии. И в связи с этим встает очень важный вопрос, кто составляет и формулирует внешнеполитические концепции и доктрины. Обычно говорят, что этим занимаются «правящие круги» страны. Но вся проблема в том, что правящие круги не едины ни в действиях, ни в сознании. Как справедливо отмечает советский философ В. В. Мшвениерадзе, «само буржуазное политическое сознание сегодня расслоено и представлено в различных модификациях: буржуазно-экстремистское, буржуазно-реформистское, буржуазно-либеральное, буржуазно-радикалистское, мелкобуржуазное и т. д.»⁸. Различные же модификации предполагают и различные «материальные опоры», т. е. на кого опираются те или иные слои политических кругов — другими словами, какая часть буржуазии их «кормит». Это, в свою очередь, требует анализа механизма политической власти и формы его функционирования, в нашем случае — с точки зрения принятия

внешнеполитических решений. Попытка разобраться в этих вопросах предпринята в соответствующих главах данной книги.

В монографии рассматривается еще одна важная проблема: характер и тип японского империализма через призму его внешнеполитической деятельности. Известно, что внешняя политика Японии не столь однозначна, как политика США или, скажем, политика Великобритании. Активно эксплуатируемый правящим классом имидж экономической державы, которая занята-де только торговыми операциями в мире, может порою создать иллюзию о «мирном» характере японского империализма. И кое-кто, особенно в развивающихся странах, попадает на эту удочку. В. И. Ленин еще в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение», имея в виду Японию, писал: «Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии»⁹. Природа японского государства осталась прежней, но формы порабощения существенно изменились. Необходимо учитывать и другое: при одном и том же экономическом строе, базисе могут возникать различные вариации форм, средств, методов эксплуатации внутри и вне государства. На это совершенно определенно указывал К. Маркс: «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств»¹⁰. В самом деле, внешняя политика империалистических государств определяется и направляется в конечном счете выгодами и интересами финансового капитала¹¹, но добывается он этого различными путями. В этом смысле формы поведения и внешнеполитические средства воздействия США и западноевропейских стран отличаются от японских. Японии свойственна большая гибкость, изощренность и, если угодно, даже хитрость в достижении своих экономических целей. В. И. Ленин, как известно, не ограничивался выявлением общих качеств, присущих государственно-монополистическому капитализму, он находил также и особенности в капитализме основных государств того времени и давал этим особенностям четкие характеристики: для Франции — ростовщический, для Англии — колониальный, для Германии — милитаристско-пруссский (юнкерский), для России — военно-феодальный¹².

Эти определения крайне важны как с теоретической, так и с практической стороны, поскольку от выяснения характера, типа империализма зависят формы и средства борьбы с ним на мировой арене. То, что японский империализм после второй мировой войны утратил военно-феодальные признаки, — это очевидно. Приобретенные им новые качества и признаки с точки зрения внутренней организационной структуры и его функционирования в рамках понятия ГМК и классовой борьбы внутри

японского общества исследуются в экономической литературе по Японии, а также в работах, посвященных борьбе рабочего класса и его партий в стране¹³.

Свою же задачу мы видим в выявлении отличительных признаков японского финансово-монополистического капитала, спроецированного на все фазы внешнеполитического процесса.

Для анализа внешнеполитической активности японских монополий, естественно, были привлечены статистические материалы. В связи с этим уместно напомнить, что В. И. Ленин использовал для изучения Японии четыре работы специально по этой стране, 15 общих исследований по международным отношениям на Дальнем Востоке и отдельным странам и более 200 статистических справочников и материалов!¹⁴ Это позволило ему сделать выводы о характере японского империализма и о неизбежном военном столкновении между Японией и США. Мы считаем, что анализ статистики, расчеты объемов торгово-экономических отношений Японии с теми или иными странами и регионами могут помочь избежать часто употребляемых фраз об «одном из основных направлений» внешней политики Японии и дать четкое представление об иерархии внешнеэкономической деятельности этой страны и ее приоритетах, а значит, и определить масштабы и объекты сосредоточения ее внешнеполитической энергии.

Правда, заранее можно предположить, что использование статистических данных в работе по внешней политике вызовет негативную реакцию со стороны некоторых наших теоретиков, в частности авторов коллективной монографии «Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран», которые квалифицируют такой подход как подход «чиновника-статистика»¹⁵. В этом неприятии статистики необходимо с самого начала разобраться, так как оно затрагивает методологические основы данной работы. У противников использования статистики применительно к внешней политике есть своя логика. Они считают «бесспорным», что «внешнеполитический процесс», «оформляемый», хотя и не полностью, деятельностью государства, также является процессом политическим, в конечном счете «государственным». В соответствии с этим «признаками понятия внешней политики государства» считаются только такие действия, которые санкционированы государством и осуществляются от его имени. «Поэтому действия организаций, групп и лиц, не удовлетворяющих названному условию, не могут рассматриваться как составная часть политики государства». А следовательно, если какая-либо монополия самостоятельно выступит на международной арене, не получив от государства таких полномочий, то это уже не внешняя политика, а что-то иное, чему, однако, авторы не дали еще названия. Такая логика фактически ведет к выводам об отсутствии известной самостоятельности монополий и государства относительно друг друга, о верховенстве государства над финансово-монополистическим капиталом. Эти выводы означают также, что «любая внешнеполити-

ческая задача (и ее решение), будь она политической или экономической, идеологической или культурной, неизбежно приобретает политический характер»¹⁶ — вывод, который В. И. Ленин в свое время охарактеризовал как «сапоги всмятку». Так, В. И. Ленин писал: «Но было бы глубочайшей ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы... Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая „аппексия“ вполне „осуществима“ без политической и постоянно встречается»¹⁷. И мы постараемся подтвердить это на примере Японии.

Сведение всех форм внешнеполитических действий к политическим — это в общем-то крайне редкое явление в советской политической науке. Практика постоянно доказывает и подтверждает, что политические средства могут служить экономическим интересам в свою очередь, экономические — достижению политического влияния. Главное же во всех этих взаимопереплетениях — марксистско-ленинское положение о роли экономической стороны как пружины межгосударственных отношений в политических, военных и иных областях. Исходя из этого, международные экономические связи относятся «к первичным, базовым в системе международных отношений»¹⁸, которые было бы затруднительно анализировать без статистики.

В монографии поднят ряд проблем, формально не имеющих отношения к Японии. Это вопросы понятийного аппарата теории международных отношений. Как известно, в западной политологии, а впоследствии и в некоторых советских работах Япония квалифицируется как «центр силы». Эта оценка обосновывается набором экономических показателей, — другими словами, сила определяется через экономический потенциал страны. Однако в работах классиков научного коммунизма дается иное толкование категории силы, из которых вытекает, что сила — категория не экономическая, а скорее политическая¹⁹. А является ли тогда Япония «центром силы»? Без попытки разобраться в этой категории и некоторых других (мощь, место, роль и т. д.) было бы сложно определить и место, и роль Японии в мире. Впрочем, в любом случае, как утверждает советский философ А. И. Ракитов, «терминологическая четкость и концептуальная прозрачность — необходимое условие серьезного обсуждения всякой научной проблемы»²⁰, условие, которому всегда следовали классики научного коммунизма. Достаточно вспомнить, с какой математической четкостью определяли К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин размытые термины «товар», «капитал», «стоимость», «классы», «империализм», «государство», «революция». Эта традиция вновь возрождается. Об этом можно судить, например, по монографии Н. А. Симонии «Страны Востока: пути развития» (М., 1975) и книге Г. Х. Шахназарова «Грядущий миропорядок» (М., 1981), в которых авторы не только объясняли используемые

ими термины, но некоторые из них вывели на понятийный уровень.

На наш взгляд, сама японская тематика, парадоксальное соотношение места и роли Японии в мире, побуждают исследователей обратиться к теории международных отношений. По счастью наиболее близко к объективному пониманию некоторых понятий, в частности силы, подошли именно японские теоретики, а не западные. В этой связи следует назвать имя профессора М. Маруяма, который писал: «Сила определено является наиболее фундаментальной категорией, причем не только политической науки»²¹. В нашей работе мы не стали подробно останавливаться на крайне интересных взглядах М. Маруяма, поскольку это увело бы нас слишком далеко в область теории. Анализ его концепции требует особого исследования. В то же время надо сказать, что категориальный пласт теории международных отношений в Японии изучается более фундаментально, чем в западной политологии.

Основные задачи нашей работы, если их сформулировать в самом общем виде, сводятся к исследованию механизма формирования и выработки внешнеполитических решений, к анализу теоретических концепций и доктрин, к разбору деятельности Японии на международной арене с упором на основные направления этой деятельности (США, Западная Европа, Азия)²², в том числе выявлению форм и средств внешнеполитического воздействия, к которым прибегают правящие круги страны. Выводы по этим «частным» проблемам должны привести к оценкам более общего характера: места и роли Японии в мире и выявлению внешнеполитического профиля японского империализма.

Структура работы вытекает из вышеупомянутой концепции: первая ее часть посвящена формированию и выработке решений, вторая — внешнеполитической деятельности Японии.

Хронологические рамки исследования охватывают период 70-х — начало 80-х годов.

Идейно-теоретической основой и инструментом анализа внешней политики Японии при написании данной работы автору служили произведения основоположников марксизма-ленинизма.

Большое значение имели также материалы и документы КПСС, решения XXIV, XXV, XXVI съездов партии, Пленумов ЦК КПСС, выступления руководящих деятелей партии и правительства, в которых неоднократно давались характеристики внешней политики Японии, ее отношений с другими странами, в том числе и с Советским Союзом.

В своем исследовании автор опирался на накопленные знания, представленные в фундаментальных трудах по внешней политике и международным отношениям.

Существенную роль сыграли и работы советских ученых-теоретиков, в том числе системного направления, в частности В. Г. Афанасьева, Ф. М. Бурлацкого, А. В. Сергисва, Э. А. Позднякова.

Первостепенное значение при написании книги имела специальная японоведческая литература, в том числе работы И. Я. Бедняк, В. Н. Березина, И. И. Коваленко, Ю. Д. Кузнецова, И. А. Латышева, М. Г. Носова, А. Н. Панова, Я. А. Певзнера, Д. В. Петрова, Н. Н. Соловьева, С. Л. Тихвинского и К. Е. Черевко.

Учитывая отсутствие у нас специальных исследований по японской политологии, автор привлек большое количество работ буржуазных ученых, в первую очередь японских, в особенности тех, кого можно отнести к разряду «политических реалистов». Собранный ими фактический материал позволил глубже вникнуть в японские реалии в контексте раскрытия темы формирования и принятия внешнеполитических решений в стране. Принимались к сведению и некоторые выводы этих ученых, которые представлялись более или менее объективными. Вместе с тем мы не могли оставить без внимания и критики те или иные положения, фальсифицирующие политику собственно Японии или политику нашей страны.

Автор отдает себе отчет в том, что, несмотря на предпринятую попытку комплексно подойти к изучению внешней политики Японии, многие ее аспекты остались за рамками исследования. Очень важно, например, проследить масштабы влияния оппозиционных сил страны, прогрессивных партий, демократического движения на выработку официального курса Токио. Весьма актуальной исследовательской задачей является анализ позиции и действий Японии в отношении проблем мира и безопасности в Азии. Начало такому изучению положено упомянутой монографией И. И. Коваленко. В условиях нынешнего обострения международной обстановки, в том числе и в Азии, эта тема приобретает еще большую значимость.

Необходимо изыскивать и новые ракурсы в способах исследования. Автор считает, что весьма плодотворным было бы использование в этом смысле системного подхода, а может быть, и математических методов. Неисчерпаем объем проблем при изучении такого сложного понятия, как японский империализм в контексте общей политэкономической теории современного капитализма.

Япония не только одна из крупнейших держав капиталистической системы, роль которой, судя по всему, будет возрастать, но и страна, являющаяся нашим ближайшим соседом. И поэтому нам небезразлично, каков будет характер этой роли, каким образом правящий класс в этой стране распорядится своим громадным экономическим потенциалом и возрастающей военной мощью. Объективный анализ и учет по возможности всех факторов, связанных с поведением Японии на мировой арене, является прямым долгом советских исследователей — международных и японоведов.